

Чун Цзюэ, наконец, перестал смеяться и, все еще с улыбкой в уголках глаз, посмотрел на Чу Тяньхэ:

— Ты правда... милый.

Чу Тяньхэ лишь хмуро отвернулся, избегая его взгляда.

Чун Цзюэ присел на корточки, опершись на скалу над головой Чу Тяньхэ:

— Лотос Сотворения Жизни уже пророс. Его сила достаточна, чтобы создать новую жизнь, но у нее будет только тело, без души. Поэтому нам нужно... объединить наши сущности, соединить инь и ян...

Чу Тяньхэ холодно прервал его:

— Мы оба мужчины, здесь нет места соединению инь и ян.

Чун Цзюэ на мгновение замер, игнорируя странную логику Чу Тяньхэ, и продолжил объяснять:

— Наши сущности и плоть станут основой, чтобы с помощью твоего тела создать душу, которую мы поместим в Лотос Сотворения Жизни. Затем, используя технику «Похищения Силы Небес», мы впитаем силу земли, чтобы сформировать тело... Таким образом, я смогу создать ребенка, который будет вне законов трех миров. Нашего ребенка. Он поможет мне разбить мою одержимость.

Чун Цзюэ тихо усмехнулся, словно насмехаясь над собой:

— Поврежденный мост к бессмертию не позволяет мне стать бессмертным? Как смешно. Я хочу, чтобы мой наследник нарушил правила трех миров. Я хочу увидеть, как эти высокомерные бессмертные будут беспомощны, когда их законы будут разрушены.

Чу Тяньхэ молчал. Возможно, потому что он уже отомстил и «умер» однажды, его сердце, всегда находившееся под контролем, вдруг расслабилось, и теперь он мог позволить себе странные мысли: объединение сущностей, соединение инь и ян? Как это делается?

Он подумал о чем-то непристойном, и его лицо покраснело, затем побледнело.

Чу Тяньхэ украдкой взглянул на гордое и прекрасное лицо Чун Цзюэ, думая, что такой оборотень вряд ли способен на что-то постыдное.

Он на мгновение отвлекся, задумчиво глядя на странное растение в холодном пруду. Должно

быть, это и есть Лотос Сотворения Жизни. Это что-то из мира бессмертных? Он уже чувствовал аромат лотоса и мощную жизненную силу, которая наполняла его тело.

Он не ожидал, что в этом мире действительно существуют боги, духи и оборотни.

Лотос Сотворения Жизни уже выпустил бутон, готовый распуститься. На огромном листе сверкала капля воды, прозрачная и красивая.

— Скоро зацветет, — произнес Чу Тяньхэ, словно в трансе. — Ты просишь меня о помощи, но это не просьба. Ты уже решил. Ты просто хочешь сделать то, что задумал, разбить свою... одержимость? Ха, желаю тебе успеха.

У самого Чу Тяньхэ тоже была одержимость. Теперь она исполнилась и исчезла.

Но что из этого? Его безумие, его жертвы ради этой одержимости — разве они не оставили след в его душе?

Чу Тяньхэ уже не был тем, кем был раньше.

Чун Цзюэ, во что превратит тебя твоя одержимость?

И еще... ты любишь меня? Чу Тяньхэ на мгновение задумался, а потом усмехнулся, тихо произнеся:

— Это просто фальшь.

Он не мог сопротивляться, только покорно принимать.

Это было то, что Чу Тяньхэ ненавидел больше всего.

Он не знал, что именно сделал с ним Чун Цзюэ, но в процессе «создания жизни» он находился в полусознательном состоянии.

Прошло десять дней.

Чу Тяньхэ не верил, что прошло всего десять дней. Ему казалось, что прошли годы.

Лотос Сотворения Жизни наконец зацвел. Это была совершенная красота. На цветке лежал серебристый лисенок с девятью хвостами, и мощная жизненная сила непрерывно наполняла его тело.

Вскоре лисенок начал меняться, превращаясь в человеческий облик.

Малыш с нежной кожей открыл глаза. Его карие глаза, похожие на янтарь, были удивительно красивы и напоминали глаза Чу Тяньхэ.

Малыш не плакал, а просто смотрел на Чу Тяньхэ и Чун Цзюэ своими чистыми глазами, словно знал, что это его родители.

Чу Тяньхэ не мог описать свои чувства. Они действительно создали человека... нет, оборотня? Но Чун Цзюэ сказал, что это существо вне законов трех миров. Так кто же он?

У него... есть ребенок?

Какая... чушь!

Чун Цзюэ шагнул в холодный пруд, поднялся на поверхность воды, и круги расходились вокруг него. Он подошел к малышу, взял корень Лотоса Сотворения Жизни и подтянул его к берегу, касаясь щеки ребенка:

— Ты создан из сил человека, оборотня, бессмертного и демона. Ты существуешь в трех мирах, но вне их законов. Ты... не принадлежишь этому миру.

Голос Чун Цзюэ был полон нежности:

— Я отдам всю свою жизнь и силу, чтобы оставить тебя в этом мире. Пусть ты будешь... счастлив.

Он наклонился и поцеловал ребенка в лоб:

— Ты наш... мой и Тяньхэ ребенок.

В этот момент небо изменилось. Темные тучи сгустились, молнии, словно драконы, пронзали небо. Небесная скорбь обрушилась на них.

Чу Тяньхэ с ужасом смотрел на небо, затем на Чун Цзюэ. Его серебристые волосы развевались на ветру, и он был настолько прекрасен, что захватывало дух.

Чу Тяньхэ увидел, как Чун Цзюэ, стоя рядом с ребенком, смотрит в небо, а затем слегка кашляет. Хотя он быстро скрыл это, Чу Тяньхэ заметил каплю крови.

Чу Тяньхэ вздрогнул. Он ранен? Когда это случилось?

Он не знал, что удар, который нанес ему Цинь Уянь, содержал огромную силу. Чун Цзюэ, леча его, столкнулся с этой силой и повредил свою сущность, но скрыл это от Чу Тяньхэ.

Теперь, чтобы создать новую жизнь, он пожертвовал своей основной силой, что стоило ему жизни.

Чун Цзюэ освободил Чу Тяньхэ:

— Уходи.

Чу Тяньхэ почувствовал раздражение, и гнев вырвался наружу:

— Ты! Чун Цзюэ!

Что это значит? Использовал его и выбросил?

Чу Тяньхэ взглянул на ужасающее небо, его сердце не могло успокоиться. Он чувствовал странный страх, словно что-то должно было потеряться.

Без предупреждения первая молния Небесной скорби ударила.

Чун Цзюэ принял свою истинную форму — прекрасного девятихвостого небесного лиса.

Чу Тяньхэ оцепенело сидел на земле, наблюдая, как его лиса сражается с Небесной скорбью. Это была лиса, которую он когда-то приютил, которую любил всем сердцем.

Теперь его любимая лиса показала невероятную силу, но даже она была беспомощна перед ужасом Небесной скорби.

Чу Тяньхэ видел, как серебристая шерсть лисы окрашивается в красный, как она обугливается, как раны покрывают ее тело, и она все ближе... к смерти.

Чун Цзюэ упал с неба, его огромная форма превратилась в маленького лисенка, шерсть обгорела, тело покрыто ранами. Он лежал на земле, едва живой.

Он умрет. Эта мысль пронеслась в голове Чу Тяньхэ.

Тучи на небе начали рассеиваться.

Чу Тяньхэ подошел к лисенку и присел рядом. Чун Цзюэ уже не мог говорить, только смотрел

на него своими прекрасными серебристыми глазами, а затем медленно закрыл их.

Чу Тяньхэ замер, его кровь превратилась в лед. Он протянул руку к лисенку, но, едва коснувшись обгоревшей шерсти, резко отдернул ее.

— Ты... зачем?

Чу Тяньхэ оцепенело произнес:

— Зачем? Твоя одержимость привела тебя только к смерти?

Как и он, Чун Цзюэ был одержим, но их пути, хоть и разные, привели к одному концу — смерти. Хотя Чу Тяньхэ сейчас жив, это только потому, что его лиса изменила его судьбу.

Когда все, казалось, успокоилось, последние остатки туч сгустились, и ужасная молния осветила небо, как дракон, спускающийся с небес.

Чу Тяньхэ вздрогнул, повернулся к ребенку на лотосе, его разум был пуст, но тело действовало само по себе. Он бросился к малышу.

Он сам не понимал, почему сделал это.

Небесная скорбь была настолько ужасна, что его человеческое тело никак не могло выдержать ее.

<http://bllate.org/book/15405/1361788>